

18+

Анна Корн

ДИХОТОМИЯ

Анна Корн

ДИХОТОМИЯ

«Издательские решения»

Корн А.

Дихотомия / А. Корн — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. На Земле погибла 1/5 часть населения, мир охватил хаос, избранные переселены в закрытые города для возрождения цивилизации. После открытой схватки со злом и разрушения города в Антарктиде компания несогласных с новым укладом и легендой оказывается заблокирована в бункере без связи. Что ждет их после выхода? Кто стоит за катастрофой? Чему и кому стоит верить? Вернется ли мир к условному равновесию? Книга содержит нецензурную брань.

© Корн А.

© Издательские решения

Содержание

ДУРАК	6
Бункер	6
Ссора	15
Тайная комната	18
Лед и темнота	22
Прогулка	25
Бегство	27
Разрушенный и опустошенный	29
Холодный город	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дихотомия

Анна Корн

© Анна Корн, 2026

ISBN 978-5-0069-8621-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДУРАК

Бункер

— Ненавижу этот бункер, этот город и последний год моей жизни с того момента, как на улицах заорали сирены и телевизор словно сошел с ума!

— Но кто-то же нагрел на этом руки?

— Конечно! А я просто хочу сидеть сейчас в баре Гуанчжоу с друзьями, но теперь некоторых из них даже нет.

— Пока что, Чонг, придется посидеть здесь со мной.

Радж поставил кружку в раковину и хлопнул Чонга по плечу.

— А можно уже потише? Ночь же, — шикнула из своего закутка Стелла.

— Да какая разница, но — окей.

Ночами лампы дневного света гудели вместе с другой электроникой, которой напичкали пространство. Бункер не выглядел как в кино: на стуле висела забытая майка, в раковине остались две недомытые тарелки и три чашки, на столе лежали камешками крошки печенья, куст микрозелени на стеллаже доживал последние деньки, а на диване забыли «Безутешных» Исигуро на английском языке. Видимо, книгу забыла Вера, так как только для нее английский был родным.

Когда бункер исследовали, он оказался намного больше, чем при первом беглом осмотре. Внутри располагались отдельные помещения продуктовых, технических и прочих кладовых, небольшая спортивная комната, будка сисадмина, как прозвали ее обитатели, и хорошая, приятная гостиная с диваном, телевизором, искусственным камином и даже ковром на полу. Гостиная стала любимым местом, так как больше других напоминала уютный дом. Там собирались за просмотром фильмов и играми в шахматы, настолки и лото.

Тут же высокомерно на всех смотрели напольные часы почти до потолка в дорогом деревянном корпусе. На нескольких стеллажах пестрела коллекция дисков с кино и музыкой. Вкус у Декстера был специфический: советское кино, мировая классика до 2000-х, классическая же музыка, но в том смысле, в котором классикой уже считаются и «Битлз». Гостиную портила только одна странная картина напротив дивана — Fool Кристофера Вула. Не то чтобы кто-то кроме Лили знал этого Кристофера до этого, но она всех просветила и насчет этого автора, и насчет современного искусства. Остальные считали, что картина портила комнату, но находясь в гостях, никто не решался картину снять, хотя и гостями себя не чувствовали, так как выйти добровольно никто не мог.

В момент, когда компания первый раз вошла в бункер и дверь прикрылась, сбоку из стены выкатилась массивная бункерная задвижка, а как только задвижка доехала до стены, справа на стене загорелся таймер, на котором мигал обратный отсчет тридцати дней. Уменьшить цифры не получилось, но никто этого не узнал, пока Стелла не сделала из тридцати дней тридцать пять. И на том спасибо, ведь Декстер советовал не выходить из бункера в течение года.

При изучении в бункере обнаружили еще две двери однотипного вида, тоже с таймерами в противоположной стороне. Декстер был педант, поэтому оставил десятки бумажных инструкций, из которых следовало, что выход станет доступен одновременно ко всем дверям, на случай если ближайшая пострадает. Перед выходом требовалось отправить дрона-разведчика. Дальняя дверь еще имела странное название — Тайная комната, но не было пояснений, в чем ее отличие от остальных.

В бункере трудилось много аналитических систем, которые постоянно мерили и анализировали показатели снаружи и внутри, в первую очередь оценивая воду и воздух. На складе

нашлись обширные запасы воды в бутылках, но инструкции гласили, что если вода изо льда пригодна, то ее нужно использовать в первую очередь. Чонг сразу сумничал, что ледниковая вода содержит древнейшие бактерии, а потому опасна. Так эту «наружную» воду использовали только в технических целях. Странно, что Декстер не подумал о бактериях при его знаниях и скрупулезности.

Многое внутри бункера функционировало с прицелом на возможный отказ электроники. Полы приходилось мыть привычной шваброй, например. Специфичное чувство юмора Декстера проявилось и в бункерной униформе: серебристых комбинезонах, неоновых футболках и кроссовках со светящимися подошвами.

Еще хитрый старик наделил родственниц привилегиями — только Лиля и Даша имели доступ к дополнительному складу с продовольствием и амуницией. Многофакторная система подразумевала, что нужна специальная ДНК и много других условий, что делало невозможным получить доступ без согласия держателей привилегий.

Главное неприятное было даже не жить в замкнутом пространстве, а оставаться в полной неизвестности. Молчали интернет, радио, компьютеры. Телевизор работал как монитор, без вещания. В первые часы внутри бункера ощущалась вибрация, по которой предположили, что снаружи что-то происходит. Но что? Судя по датчикам с поверхности, получалось так, что ничего нового глобального не случилось — радиация и загрязнение воздуха остались в норме, температура только стала гораздо ниже, но еще в пределах нормы для человека, а учитывая то, что бункер располагался в Антарктиде, температура оставалась гуманной.

Компания помнила кипящие лавы, трещины в поверхности и ракеты, которые летели наперекрест, но наружные камеры теперь показывали только льды и мусор. Та камера, которая висела со стороны здания, вышла из строя сразу, в нее ничего не было видно, поэтому о разрушениях в городе никаких данных ждать не приходилось. Те камеры, которые висели с другой стороны, показывали те же снега и льды — и то на недалекое расстояние. Через день или два со стороны здания послышался шум: стучало, лязгало и скреблось, бункерцы предположили, что снаружи пытаются вскрыть дальнюю дверь. Все встревожились сначала, но потом подумали, что это не худший знак, ведь так получалось, что снаружи жизнь. Другой вопрос — какая.

Связь пропала и в привычном смысле, и у Веры пропала связь с другим миром. Каждое утро Вера начинала со слов: «Нет, опять ничего». Из привилегированного посла она неожиданно стала обычным человеком, но тяготило ее не осознание внезапной обыкновенности, а недоступность информации. После первой открытой схватки со злом, приблизившись к разгадке массового вымирания человечества, компания вдруг оказалась в полном неведении о нынешнем устройстве мира. Что там сегодня снаружи?

Таймеры дверей будто стояли на месте, и каждый занимал себя как мог, но занятий было не так уж много. В качестве полезного упражнения Гарик решил собрать для себя картину из того, что осталось наверху, раскладывая локации, людей и вопросы по листочкам блокнота.

Москва, дача — мама, Дед, дети.

Куда делись больные и старые люди?

Что с управлением?

Что с преступностью?

Питер — Таня

Ничего неизвестно.

Город 6 — Ничего неизвестно.

Город Детей — Детский Соло, дети, Ваня.

Что стало с детьми?

Что стало с эмбрионами?

Город 1 — Виктор, эмбрионы?

Что снаружи?

Как отсюда выйти?

Когда закрылся портал с Амируном и налетели азарки, город сильно разрушился, но смогли кто-то выбраться?

Упражнение ни капли не помогло, потому что еще остались непонятными истории с порталами, другим миром... ракетами. Запутавшись в листочках и потеряв идею структурирования данных, Гарик снова увидел ту самую картину «Дурак». Естественно, другой картины здесь быть и не могло. Вот бы потрясти Декстера и спросить, что же упускается, но Декстер остался снаружи, если точнее — Декстер умер снаружи. Интересно, что же все-таки такое сработало, что он покончил с собой в разгар событий?

Он производил впечатление настолько самовлюбленного человека, что поступок не укладывался никак в представление о нем. Да и бункер Декстер делал под себя, так почему же принял такое решение? Уж не из страха наверняка. Следовало отступить от рациональности, раз она не давала нужного результата, и Гарик наугад взял книгу с книжной полки, чтобы переключиться.

— Просто прекрасно! — воскликнул он в сердцах, разозлившись на «Критику чистого разума» Канта.

В университете он прогулял примерно всю философию, поэтому даже не стал предпринимать попытку прочесть эту книгу теперь. «Дурак» на стене теперь казался зловещим. Гарик поставил книгу на место, охота к чтению пропала, с минуту постоял у стеллажа с книгами, взъерошил непослушные и принял к запахам с кухни, но знатоком специй он не был, поэтому понял только лук, чеснок, пахучее неизвестное и понял, что тут гадать тоже бессмысленно.

Чонг с Раджем копошились с едой, Стелла возила шваброй по полу, Гена с Дашкой и Лилей упражнялись в зале, Вера молча смотрела на искусственный огонь камина, поджав под себя ноги на диване. Шел скучнейший восьмой день заточения.

Одно позитивное все-таки произошло: заточенцы научились понимать друг друга. Язык не стал единым, скорее стал смесью языков, что тоже не худшее для текущего момента. Превалярировали английский и русский языки. Русский, потому что русских в бункере оказалось больше, а английский, потому что так давно в мире заведено. Следовало бы употребить время с пользой для изучения китайского или индийского, но сначала погрузились в быт, а потом в лень. Казалось, что через день-другой все станут эффективными, но нет. Бункерцы вели себя как школьники на зимних каникулах: ели, болтали, смотрели кино, большую часть времени бездельничали.

— Вера, расскажи все-таки побольше о другом мире, чтобы мы могли лучше подготовиться к выходу отсюда и дальнейшим действиям.

Вера повернулась, но огоньки камина в глазах так и остались.

— Что именно рассказать?

— Рассказывай так, будто я ничего не знаю об этом вообще.

— Давай для начала этот другой мир переименуем?

— В «Мир высоких вибраций»?

— Это вычурно и длинно. Может, мир Икс?

— А этот мир Игрек? А еще добавим к этому мир Й...

Вера хмыкнула, хотя и не поняла, что он имел в виду.

— Мне, в принципе, все равно, давай нейтрально назовем? Мир Б?

Гарик кивнул.

— Итак, мир Б существует параллельно с миром А.

— Не перпендикулярно?

— Мы дурачимся или думаем? — Вера недовольно поджала губы.

— Прости, давай серьезно говорить.

— В мир Б люди попадали изначально естественным путем. Это вроде другой степени развития, продолжения жизни. Там они разделялись на... хм... что-то вроде светлых и темных, но разделение условное, так как нет полностью хороших и плохих людей, а соответственно, и душ. Для удобства назовем лагерь Амируна темными. Кстати, ты в курсе, откуда это имя?

— Можешь не спрашивать. Нет.

— Амирун — от «эмир», а эмир — арабский принц. Никакого отношения к «темным-светлым» это не имеет, как и нет никакого национального, религиозного или другого четкого разделения по привычным признакам людей на группы в том мире. И так, люди переходили естественным путем, через смерть и возрождение в новом мире. Я в упрощенном виде говорю, потому что достоверно описать доступными средствами не смогу.

Как там все выглядит? Я тебе показывала в саду на нашем первом свидании. Простыми словами: тот мир менее материально выглядит. Там ярче, привлекательнее. Больше возможностей самому влиять на то, как все выглядит. Там нет понятия физического тела, а значит, тело не надо кормить, лечить, спать телу не нужно.

Ощущения тоже лежат не в области физиологии. Это удовольствие или неудовольствие ментальное, но ощущается почти привычно. По крайней мере на уровне моего понимания это похоже. Как тебе показывали в снах, силой мысли ты можешь моделировать пространство. Можешь ничего не делать, но это скучно.

— А как там обычный день проходит?

— Обычного дня там нет.

— Как там проходит необычный день?

Вера кинула в Гарика плотной клетчатой подушкой с дивана.

— Души, сущности (называй как хочешь) там сами определяют, как и чем дальше заниматься, но если ты врач, то надо придумать себе новое занятие, например. Отсутствие физического тела и неограниченный доступ к знаниям создают ограничения, как это ни странно звучит. Другие правила дают другие возможности и, наоборот, часть забирают.

— А есть там семьи, друзья?

— Конечно, там общаются и делают что-то совместно. Союзы там тоже есть, но речь не идет о семье в том виде, в котором принято здесь.

Теперь немного по порталам: есть возможность общения с представителями этих миров для живых людей во сне.

— Получается, что когда снится умерший, это общаешься как бы с тем миром?

— Не все так просто. Это иногда и проекции, твои мысли, подсознание. Необязательно, что происходит контакт.

— А как понять, происходит или нет?

— Никак. Если бы это было бы так просто. Я даже не знаю, было бы это хорошо или плохо для всех. Вернемся к порталам: есть порталы для выхода оттуда сюда и наоборот. Один портал закрыли в той схватке с Амируном, но портал не один, хотя, скорее всего, закрыли их все, а может, и нет.

— А через портал можешь только ты перейти и кто-то вроде Амируна или Соло? Я могу?

— Можешь только вместе с посланцем, например со мной. Сам по себе нет.

— А как становятся этими посланцами?

— Это данность, специальный пограничный тип, который может существовать и там, и здесь. Ближе к истории мира Б: сначала, тысячелетия назад, два лагеря там не пересекались, каждый жил как нравилось. Происходило всегда некоторое взаимодействие между расами там (это для удобства их так назову), договоры, правила, но между расами не было прямого или косвенного доминирования. Во внутренние дела не вмешивались, перейти туда-сюда тоже было невозможно. По технологии душа оказывалась там или там и уже оставалась...

— Навсегда?

— Сложно сказать, потому что я не знаю эту область. Как минимум в нашей части того мира можно достичь специального уровня и перейти в новый план, но по понятным причинам подробностей об этом нет.

— Фактически там тоже умирают?

— Можно и так сказать. Только там это не воспринимается как здесь. Там понятно, что это переход.

— Совсем не грустно?

Вера задумалась ненадолго и отвела взгляд в сторону часов.

— Да ведь и здесь мы грустим больше потому, что теряем возможность быть с человеком рядом, а не только потому, что ему было больно или он прожил грустную жизнь. Поэтому да, там печалятся тоже. Там уже есть цифровые аватары про запас, но все же понимают, что это не то. Грустно, да. Ты не можешь находиться рядом в моменте, не можешь ни получать, ни дать уже... Ужасно грустно на самом деле! А что вы видели в других городах?

— Кроме этого города я побывал всего в двух: Городе б и Городе Детей. Город б анонсировался как технологическая столица, куда я получил распределение через непонятное приложение в телефоне сразу после катастрофы. Не сказать, чтобы я решил сам туда отправиться, я раздумывал потому, что мама не получила никакого распределения из-за возраста, как и некоторые знакомые. И я не то чтобы решил, просто проснулся с куар-кодом на руке после веселой вечеринки по случаю конца света, а дальше мама убедила меня, что я должен двигаться, несмотря на отсутствие у нее такой возможности. Правительства сразу открестились от этого распределения.

Никто не знал, откуда что появилось и кто за этим стоит. Распределения не получили дети до пяти лет, люди после пятидесяти и люди с хроническими и психическими заболеваниями. Так многие остались из-за родственников, родителей и детей. Странно, но откровенно пожилых я тоже видел в новых городах. Полагаю, что деньги решали некоторые сложные вопросы. Первый город оказался практически тюрьмой. Там писали код, но никто не знал точно, что это и зачем.

Мы предположили, что речь идет о масштабной ERP-системе... но только более высокого уровня, не управление предприятием, а скорее управление государством или вроде того. В городе существовал строгий контроль. Там же собирали биоматериалы для воспроизводства населения.

Такой была общая легенда: мир умирает, есть специальные города, построенные в лучших условиях, где собраны важные люди для возрождения цивилизации, но с самого начала я видел много несостыковок... К счастью, это видел не только я. Собралась компания, и мы начали «копать». Так обнаружили биологические лаборатории, в которых эмбрионы делили на красные и зеленые, в соответствии с готовностью и приспособленностью к переходу. Там же отрабатывались технологии по активизации развития и... так и не придумал, как об этом говорить... Их там научились делить, ускорять развитие до нужного уровня и умертвлять.

— Я не понимаю, но звучит жутко.

— Сортировали, убивали тех, кто пригоден для перехода сразу же, а остальных отправляли в Город Детей.

— Для чего?

— Чтобы там растить до половозрелого состояния, потом также собирать материалы и по кругу. Город Детей — такой инкубатор с живыми птенцами, которых растят как производителей нового биоматериала.

— Жесть!

— Ты еще способна удивляться? В Городе б я познакомился с Виктором, Лилей и еще несколькими людьми, которые помогли раскапывать это все.

— Но почему никто не сопротивлялся?

Гарик задумался на секунду и ответил:

— Во-первых, поначалу все были слишком напуганы. Легенда выглядела логичной и казалась правдой. Мы получили работу, дом, еду, задачи и седативные газы, которые вырубали после отбоя. Связь никакая с внешним миром не работала, и получалось, что «все так живут здесь, значит, это нормально». Кроме того, Соло баловалась спецэффектами, показывая, что мир снаружи стал более опасным. Сложно объяснить, но картинка менялась, все дрожало, ракеты летели над городом.

Сейчас, когда рассказываю, кажется, так глупо, но из-за нашей любознательности нас выгнали из Города и отправили на большую землю. Не всех. Виктора отправили сразу сюда, а Лиля осталась там. Нас выгнали, как только мы нашли тоннели с поездами в другие локации, увидели расписание, нашли старую лабораторию, но по дороге самолет потерпел крушение, и мы оказались в Городе Детей.

— Ужасное место?

— Кстати, нет. Городом управлял добрый старикан и со своей стороны делал там все что мог. Там предполагалось растить детей как животных, давая минимум образования, но там было свое сопротивление. Детей образовывали, часть из них вывезли в две тайные зоны. В Городе Детей разрабатывались специальные технологии, которые помогали скрывать и делать недоступной отдельную деревню, и готовилась эвакуация детей, и мы поучаствовали в этом. К сожалению, вывезти всех было невозможно, но в общей сложности детей семьсот, а может, и больше оттуда забрали, трехсот переправили еще при мне.

— А как?

— Часть самых крепких детей отправилась на велосипедах по тоннелям в ближайший город, часть бежала через лес, часть вывезли на самолете, с частью я выехал на том же метро. После этого еще несколькими вертолетами эвакуировали. Несколько детей из тех, что мы вывезли на поезде, поселили с матерью и друзьями на даче, но дальнейшие судьбы мне неизвестны.

— Запутанно. А здесь-то ты как оказался?

— О, это проделки товарищей. Азарки сказали, что мне нужно в Город 1, потому что тут основные сервера и главное Зло. Времена такие, что даже разбираться некогда. Я вот до сих пор с азарками ничего не понял, кроме того, что они могут быть растительностью, камнями... и болтают без умолку, когда им это кажется уместным. С Амируном я тоже не понял: зачем ему нужен какой-то особенный микроклимат в офисе, почему ты смогла запереть его в тоннеле и был ли он в виде дракона только для меня?

— Ты страхом оформил Амируна в такой вид, но как тут сплетничали, все видели его тоже драконом. Ты настолько испугался, что сделал из него это для всех, — Вера улыбнулась и взяла Гарика за руку, — но потом ты же его сделал мелким цыпленком.

— Вот спасибо, а то чувствую, как начинаю покрываться пятнами со стыда.

— Бесмысленное занятие. Человека красит не отсутствие страха, а умение сопротивляться. Бьюсь об заклад, большинство людей, увидев эту черную громаду в самом страшном для них виде, не смогли бы взять себя в руки никак. Жалко, мы ничего не знаем о Викторе и серверах совета, да и о хранилище эмбрионов ничего неизвестно.

— Да мы здесь теперь вообще ничего не знаем. Я даже не уверен, что нам нужно было запирается в этом бункере.

— Мы знаем, что мы живы, или предполагаем, что живы, м-да. «Как же не хватает солнца!» — грустно сказала Вера.

— Скучаешь по папочке?

— А?

— Ты же в детстве считала себя дочерью солнца... вот и...

— А...

— Ребят, кончайте занудствовать, сегодня чатни на ужин, идите сюда! — выкрикнул с кухни Радж.

После ужина устроили танцы под специфичную подборку Декстера.

За все время в бункере еще не случилось ни одного конфликта, то ли потому, что времени прошло еще мало, то ли потому, что ресурсов еще было достаточно. Всех устраивала такая ситуация, и никто не хотел дать повода для первого раздора. Весь мир будто схлопнулся до размеров бункера. Многие из присутствующих хотели бы делать полезное друг для друга и делали возможное, стараясь проявить лучшие качества, показать лучшие умения, отдать больше пользы, тепла. Из всех, кто там находился, здорово ладили между собой Радж и Чонг. Гена пытался и иногда даже успешно проводил время с Лилей и Дашкой, а Стелла коротала время в уединении.

Не было стопроцентного разделения ролей, но так повелось, что Радж с Чонгом готовили, а Стелла убиралась. Лиля с Дашкой осознавали особенное место в компании и особые возможности, поэтому Лиля иногда вела себя заносчиво. Ей самой казалось, что она в шутливой манере говорит с остальными, но часто ее слова звучали не шутливо, а грубо. Никто не понимал, сколько времени придется провести здесь и понадобятся ли им ресурсы со второго склада, присутствующие реагировали на злые шутки Лили сдержанно, а шутки она отпускала такие: «Вот будешь себя плохо вести, лишу ужина». Спокойные реакции распаяли Лилю. Можно было бы предположить, что через некоторое время кто-то не выдержит и сорвется.

Гена же, наоборот, старался всем понравиться, видимо компенсируя трусость на площади Амируна, хотя никто это не вспоминал. Дашка скучала по STARTO, поэтому она игнорировала флирт со стороны Чонга. Еще она уже раздражалась на Лилю, во-первых, потому что раньше им не доводилось столько времени проводить вместе, а они оказались не так уж близки, во-вторых, потому что Лиля вела себя как взрослая мать, а разница в возрасте из-за того, что они провели время в городах с текущим по-разному времени, у них была небольшая, и, наконец, Дашка имела такие же возможности, как и Лиля, и поэтому ей не было так уж необходимо терпеть колкости и грубость.

Стелла казалась спокойной и тихой, но это была только видимость. Внутри Стеллы уже тоже закипал огонь, так как она не успела ни с кем сдружиться и было не с кем поделиться переживаниями, которых у нее хватало. Она беспокоилась о судьбе эмбрионов и что пока не смогла ни с кем найти дружеских отношений, и это угнетало. Большинство завидовало Гарику и Вере, ведь других пар в бункере не сложилось, а эта парочка в самом начале отношений демонстрировала умиленную и раздражающую остальных нежность.

Получалось, что при внешнем благополучии зрел конфликт, скорее даже не один. Всем хватало ума, чтобы понимать это, но напряжение нарастало, было ясно, что стоит только одному человеку сорваться и сказать лишнее слово, как все рассыплется словно картонный домик. Так протянули еще две недели, не без сложностей, но мирно.

Близился срок, когда бункер смогли бы открыть, чтобы отправить разведчика наружу. В дискуссиях звучало то, что прежде, чем открывать двери наружу, нужно узнать, что за Тайной дверью. В инструкциях и на карте помещений за Тайной дверью не было ничего. Всем не нравилась идея назвать дверь Тайной дверью и не показать, что за ней. Так или иначе никто понятия не имел, что это может быть, а версии звучали одна страннее другой.

Помимо прочего, Гарик и Вера еще подробнее обсудили устройство мира А и мира Б, но Гарик не узнал чего-то нового или важного. Все по-прежнему было как будто бы слишком запутано, а главное, непонятно, к чему вело.

Со слов Веры выходило, что темные первыми нарушили негласный запрет на насильственное перемещение. Мало того, темные вели просветительскую деятельность и занимались вербовкой, чтобы к ним попадало как можно больше людей, так еще и применяли технологии, например для регулирования климата, которые вызывали стихийные бедствия, а значит, при-

водили к увеличению переходов людей из одного мира в другой. Конечно же, их действия в критические моменты становились известны представителям другой расы, но стопроцентных доказательств не было, поэтому все ограничивалось разговорами. Даже когда на Земле одновременно в последний раз умерла одна пятая населения, то все тоже не так сразу стало явно в мире Б.

Закрытые, построенные заранее города сначала не вызывали отдельного интереса, поскольку назначение этих городов оставалось непонятно. Все было продумано, засекречено и до массового вымирания людей в этот раз оставалось если и замечено, то не понято и не разгадано. Во все времена везде существовали экспериментальные и закрытые зоны, и уж, конечно, большинство из них были обычным продуктом для общества. В таких зонах и городах часто творились странные, а иногда и жуткие вещи, испытывались технологии и оружие, проводились испытания новых моделей общества. Селекция, генетика, аномальные способности людей и самих мест — это было всегда. Также постоянно появлялись желающие изучить эти места, но такие исследователи либо с головой погружались в сумасшедшие миры сами, либо исчезали, либо их рассказы воспринимались как сказки, потому что потом не находилось нужных доказательств или даже самих этих мест, либо вдруг событие становилось объяснимым с точки зрения физики или другой доступной науки.

Но чем больше вещей менялось в привычном течении жизни, тем больше вопросов о природе событий возникало у светлых в мире Б. Со временем там начали вести учет и классификацию аномалий, но ответы не приходили. Копились данные, но закономерности в них выглядели случайными и запутанными, а классификация не получалась из-за катастрофического числа параметров. Искали и закономерности, и аномалии, но не клеилось. Гипотез было много, но каждая имела но.

Со слов Веры, популярная теория была созвучна предположению Гарика — темные уже и раньше занимались массовым истреблением человечества для пополнения рядов. Первые результаты подрывной деятельности описали еще в старинных мифах, где исчезали цивилизации вроде Атлантиды. Для специфических целей темные использовали понятные механизмы, как то: природные бедствия, войны, катастрофы, эпидемии. Среди людей разрабатывались технологии, которые использовались для уничтожения людей.

При этом процесс недостаточно отладили и контролировали как попало, не было никакого разделения на светлых и темных, просто истреблялось как можно больше людей, часть из которых попадала в клан темных впоследствии. Принцип элементарный: убивайте всех, Господь разберется. Не в том смысле, что кто-то разбирался, а в том, что так или иначе люди поделятся впоследствии. В мире Б условно разводили руками, сетуя на то, что люди сами себя истребляют. И истребляли, конечно, но иногда с помощью извне.

Одновременно с этим светлые, отследив закономерности и механизмы темных, но не имея прямых доказательств, в противовес разрабатывали другие технологии, которые помогали развивать человечество, бороться с эпидемиями и так далее. Так достигался баланс, но появлялось больше прямых указаний на искусственную природу событий, и расы наверху стали уже открыто враждовать между собой из-за вмешательства в естественный ход событий.

Сначала это выражалось в обсуждениях и переговорах, тон которых становился все более враждебным. Худой мир считали лучше доброй ссоры, и долгое время так и держались, но при последней катастрофе баланс нарушился окончательно и терпимость сказала: «С меня довольно».

В этот раз механизм использовали более продуманный, чем раньше, и технология Декстера не просто выключила часть населения, которое, как выражались, «перешло на высокие вибрации», это была та часть людей, которая перешла только на одну сторону, что окончательно сломало шаткое равновесие.

Тут Гарик предположил, что, может, и не стоило бы так переживать за плохих людей, но Вера пояснила, что все не так работает и нет никаких сферических коней в вакууме, механизм стал жестким с точки зрения распределения в один из лагерей, но не с точки зрения типирования людей здесь и соответственного продолжения пути. Под раздачу попали люди разные, а главное, что путь их не закончен естественно, они не получили нужного для них опыта и оказались насильно вовлеченными в войну в мире Б на той стороне, которую даже не выбирали. Это цинично назвали «сопутствующим ущербом» заинтересованные лица.

Агрессивная раса в тот момент перешла в открытое наступление, захватывая разумы и волю отдельных личностей и на другом плане. Враждующие стороны не находили возможности договориться и потому, что темные не планировали останавливаться в наращивании своей цивилизации, очевидно почувствовав «вкус крови». Интенсивность давления нарастала, методы становились неприкрытыми: после массовых смертей пугали людей в обычных городах, заставляя соглашаться на переезды в новые локации с прицелом на построение новых цивилизаций в лучших условиях, а затем использовали этих людей для производства других людей, которых можно будет перевести в мир Б эффективно и быстро, тем самым умножая свое войско для противопоставления другой расе.

Одновременно технологии мира Б позволили обнаружить, что на них идет атака других внешних цивилизаций, очевидно более развитых. Эти атаки были скорее разведывательными, но полноценное вторжение было возможно. Никакого контакта с внешними агрессорами не получалось, а среди себя, не обладая физическими телами, сражения две расы вели на энергетическом уровне, где, разрывая друг друга, становились легкой добычей для тех, других.

— И все-таки, Вера, подскажи, а как же быть перерождением душ с этими бесчисленными жизнями?

— Не знаю ответа на этот вопрос. Знаю, что перерождение есть, но не для всех. Как и кто это решает, не знаю. Сначала кажется, что вопрос вроде бы простой, но существуют некоторые области, в которых моих знаний недостаточно.

— Как же такое может быть? Это же и твой мир, ты должна знать о нем все.

— Какой забавный! А ты знаешь о своем мире все?

Ссора

И вот настал этот день, когда до возможного выхода из бункера оставалось немного — меньше недели, но чем ближе к дате возможного выхода, тем напряженнее становилась обстановка внутри. Во время ужина, когда все пребывали в мирном и приятном настроении, Лиля вдруг отложила приборы и сказала:

— А не пора ли умерить наши дневные пайки и распределить запасы?

Бункерцы озадачились, была видна внутренняя работа на лицах, но при этом никто не решался на это ответить. Первым из оцепенения вышел Радж:

— А чем обусловлен такой вопрос? Теоретически через несколько дней мы выйдем отсюда. Мы не знаем, что ждет снаружи, вообще не знаем, что нас ждет...

Лилия сверкнула глазами и на этот раз уже повысила тон:

— Вот именно, не знаем, что нас ждет! Давайте предположим? Возможно, ждет низкая температура, характерная для этих широт, поскольку даже по датчикам уже видим, что температура стала гораздо ниже, чем пятнадцать-семнадцать градусов, которые обещаны на въезде в этот город, то есть ждет зима. Да, представьте только, зима, которая неизвестно когда закончится, из которой неизвестно как выбраться.

Возможно, ждет разрушенный город, ждут люди, которым не хватает еды, у которых нет подходящей одежды, у которых, наверное, оружие. И возможно, наше сегодняшнее убежище является более безопасным, чем то, что ждет снаружи. Конечно, мы не сможем оставаться здесь вечно, но может так случиться, что придется пользоваться ресурсами, которые здесь есть продолжительное время, более продолжительное, чем мы можем себе представить. Поэтому использование ресурсов должно быть ограничено.

— Но, мам, мы же не знаем, сколько времени придется пользоваться этими ресурсами. Как мы можем рассчитать, каким образом их ограничить?

— Даша, да, не можем знать, сколько потребуется времени, каким образом и на какой период нужно рассчитать наши ресурсы, но пора перестать их тратить бездумно.

Даша не нашла, что в этот момент ответить матери, но кстати дискуссию подхватил Чонг:

— Хорошо, Лилия, как предлагаешь ограничить использование ресурсов? Давай начнем с чего-то простого и понятного. Например, как предлагаешь ограничить еду?

Лилия состроила неприятную гримасу, было видно, что она раздражена и слова подбирать больше не хочет.

— Например, Чонг, начнем с тебя. На прошлой неделе ты съел три шоколадки. Никакой необходимости в употреблении шоколадок нет! Могу понять, что хочется сладкого, но в какой-то момент эти шоколадки могут нас выручить. А ты, Чонг, много их жрешь!

— Мам! — Дашка взяла мать за руку, но Лилия в этот момент уже вошла в раж.

— Ты, Вера, слишком много употребляешь фруктов! Они могут испортиться, но фрукты можно было бы порезать и заморозить. Ты, Гена, выпил бутылку виски. Алкоголь не является стратегическим запасом, но все понимают, что он калорийный и может служить обеззараживанием...

— Обеззараживанием может служить виски?! Лилия, а ты ничего не путаешь, может, путаешь виски с водкой? Да и виски слабоват для обеззараживания, зато обжигает ткани...

Лилия перебила Гену, слушать ей стало неинтересно, и казалось, что она хочет каждого уличить в неразумном потреблении.

— Ну и чего вы добиваетесь?! Давайте расскажите, что можно есть все подряд в любых количествах, давайте сейчас все это съедим, а потом вы попросите открыть дополнительный склад! А вы не думали, что я не открою?

Тут уже подключился Гарик:

— Лиля, тебе не кажется, что ты перегибаешь палку?

— Нет, мне так не кажется! Мне кажется, вы потеряли бдительность! Одни воркуют у себя в каморке, другие качаются в качалке, третьи готовят интересные блюда, и всем как будто бы пофиг, что происходит снаружи и что будет происходить дальше.

— Может, стоит проголосовать?

— Проголосовать за что?

— Да, может быть, стоит проголосовать за ограничения, а может быть, нам вообще стоит перейти к вопросу об управлении бункером. Может, пора назначить ответственных и перейти от спонтанных идей к осмысленности.

— Насколько я понимаю, ты решил для себя, что главный тут ты и можешь решать, когда и за что нам голосовать? Может быть, как жить, ты тоже решишь? Ты в своей голове уже назначил себя главным начальником всего, ведь так?

— Лиля, если честно, не понимаю, чего ты добиваешься. Своим предложением я в некотором смысле поддержал тебя, но все же предполагаю, что мы здесь имеем равные права.

— А с этим я не согласна! С какой стати у нас равные права? Мы одинаково значимые в текущей ситуации? У нас равные возможности? Так почему права-то у нас равные?

— Не знаю, что на тебя так повлияло и что на тебя нашло, но все мы здесь люди, и каждый вносит посильный вклад в общее устройство и также вносит вклад в спасение мира, как бы высокопарно это ни звучало. Или ты намекаешь на то, что только у вас с Дашей есть доступ к дополнительному складу?

На этот раз уже Вера положила руку на руку Гарика, как бы пытаясь предостеречь от дальнейшего развития конфликта. Но ситуация вышла из-под контроля: Лиля отшвырнула тарелку и перешла на крик, вскочив со стула:

— Этот бункер построил мой отец, если бы не знакомство со мной, в этом бункере ты бы не оказался и не спасся от того, что происходит снаружи!

Лиля гневным взглядом окинула остальных и добавила, практически шипя:

— И вы все не оказались бы здесь, если бы не я!

Гена в этот момент резко отодвинулся на стуле, вскочил и грубо, но твердо сказал:

— Я сыт. Приятного вечера!

Он было направился в сторону комнаты, но Лиля остановила его криком:

— А тебе бы стоило помалкивать и вести себя тихо, птичка на хвосте принесла, что во время схватки ты сидел на корточках, хныкал и просил выпустить себя наружу!

Гена повернулся и вопросительно посмотрел на Веру с Гариком.

— Интересные дела получаются, может, поясните, кто распускает слухи?

Гарик покачал головой, но отвечать не стал, зато ответил Радж:

— Гена, а ты в курсе, что за этими событиями наблюдали и я, и весь офисный планктон из здания?

— Но тут только мы. Значит, сплетник тут же находится!

Стелла все это время молчала, но тут тоже не сдержалась:

— Вы что, не видите, что она делает? Она нас стравливает!

— Ути-пути, наша тихоня прорезалась!

Никто не придавал значения тому, что Дашка молча и тихо вышла из-за стола и вернулась с миской воды и льда. Она поставила миску перед Лилей. Лиля в этот момент плюхнулась на стул и раздраженно спросила:

— Что это?

Дашка положила руку на затылок Лили и, резким движением запустив пальцы в волосы, макнула мать в миску с водой и льдом.

Разлетелся лед, выплеснулась часть воды, Лиля взмахнула руками, вынырнула из миски.

— Вот же черт!

— Run, Даша, run!

Но Дашка не побежала, а Лиля с мокрыми волосами и лицом, обзвав всех придурками, но уже без особого удовольствия, встряхнув мокрыми руками, встала из-за стола и отправилась восвояси.

Первым заговорил Гарик:

— Ребят, ситуация накалилась. Давайте успокоимся, и Лилю не дергайте.

— Но она нас тут всех поливала... — недовольно сказала Стелла.

— Сорвало человека, пусть остынет. Если вдуматься, то идея-то у нее неплохая, только подача агрессивная. Осталось пять дней до возможного выхода, но план-то уже надо готовить. Обсудим? Может, завтра, а то сегодня слишком все накалилось.

Тайная комната

Когда все остыли, приняли окончательное решение начать выход с проверки Тайной комнаты. Встретить там Василиска никто, конечно, не хотел, но не было никакого прямого указания на то, что это прямая отсылка к Гарри Поттеру. В Тайную комнату предстояло зайти Гарику и Чонгу.

Накануне дня Икс все нервничали, не спали, и уже с 00.00 бросали взгляды на табло с таймером. Таймер показывал, что он на нуле, но ничего не происходило. Кто-то дремал, а Гарик с Чонгом заранее оделись в эти странные блестящие костюмы, которые оставил им Декстер, в светящиеся кроссовки, подготовили в напарники себе робособаку, экшен-камеры, фонарики, воду и по шоколадке. На этот раз Лиля возражать не стала.

Договорились дежурить по очереди и присматривать за табло. Так как все табло были синхронизированы, то наблюдали за ближним, которое вело к двери из кабинета Декстера. Но оказалось, что наблюдать не имело смысла, потому что около тринадцати часов раздался мощный протяжный сигнал на весь бункер и табло доступных дверей замигали красным. Никто не испытал радости, только тревогу.

— Ну что ж, гоу!

Гарик сухо чмокнул Веру, все по очереди обнялись. Не понимая зачем, ведь так он раньше не делал, Гарик перед дверью перекрестился, выдохнул и нажал большую кнопку под табло. Дверь медленно поехала в стену, за ней показался темный коридор, конец которого скрывал мрак. Все невольно оглянулись на противоположную дверь — дверь не открылась.

— Я так понимаю, что будет безопаснее нам зайти, а вам закрыть эту дверь, — неуверенно сказал Чонг.

Так решили и сделать. Первые шаги доверили робособаке, которую уже назвали Шариком.

— Шарик, иди вперед!

Шарик повернул робоморду в сторону темноты, включил подсветку и шагнул. В этот же момент коридор подсветился в области Шарика бледным светом с потолка, который, видимо, срабатывал на движение. Чонг и Гарик шагнули в коридор, сделали по десятку шагов, и Чонг дал рукой знак закрывать дверь. Дверь медленно поехала, и пространство света становилось все меньше.

Они двинулись, и с каждым шагом забавно перебиравшего лапами Шарика коридор подсвечивался еще дальше, впрочем, светящейся обуви и подсветки Шарика хватило бы и без того. Коридор петлял, но не было ничего интересного, кроме двух небольших ниш, в которых стояли незапертые шкафчики с запасами воды, фонариками, парой ножей в кофрах. Ножи напрягали сильно. Чонг даже предположил, что лучше бы поставили кислородных баллончиков с масками. Но, как известно, кислород бесполезен при взрывах, поэтому, наверное, логично, что баллонов здесь не оставили.

Шли они неспешно, но позитивному мышлению прогулка не способствовала, становилось жарко и душно, и хотелось бы уже узнать или увидеть подобие окончания пути. Чонг командовал Шариком побежать и разведать путь подальше. К этому времени они шли уже около получаса и трекер показывал, что они прошли полтора километра.

Шарик, смешно и быстро перебирая лапами, побежал вперед, коридор петлял. Вдруг Шарик издал роболай, вынырнул из очередного поворота, схватил Чонга за штанину и потянул в сторону, из которой только прибежал. Сразу за поворотом их встретила массивная металлическая дверь с надписью «Василиск», ковриком «welcome» на полу и кнопкой вызова справа.

— Прекрасно, просто прекрасно, — Гарик покачал головой и нажал на кнопку.

Вызов зазвенел, как стандартный дверной звонок, и это было в стиле Декстера, даже забавно.

Шарик переминался на лапах, позвонили повторно. За дверью гудела тишина. Гарик решил, что это веселило Декстера, когда он это задумывал, а что, если... и Гарик откинул коврик. Под ковриком лежал металлический ключ на красной веревке.

— Что это? — спросил удивленно Чонг.

— В советские времена люди оставляли для детей ключи под ковриком, на случай если те забудут, а чтобы носить было удобнее, вешали на ленточку на шее.

— А зачем класть ключ под коврик, ведь его любой заберет?

— Зачем? Красть же нечего.

— А почему тогда не оставить дверь открытой?

Гарик пожал плечами и поискал замочную скважину. Ключ повернулся легко, и дверь поехала в стену.

Перед ними раскинулась квадратная комната, похожая на прихожую. В которой стояли пуфы, зеркала, импрессионистические картины вдоль стен и впереди встречал выход в коридор с дверями в комнаты.

— Бегу, бегу! — послышался крик изнутри помещения, и оттуда вынырнул откуда-то знакомый, но не опознанный сразу человек в строгом костюме. — Вас уже ждут.

— А вы, простите?..

— Петр, мельком виделись. Проследуйте за мной.

Петра не признали, но прошли за ним через некоторые богато обставленные помещения, которые были не похожи на их бункер, а больше похожи на жилище обеспеченного, но не молодого человека со специфическим вкусом. Здесь бы и статуи вписались гармонично.

Петр распахнул перед ними двойные деревянные двери, и тут уже открылось подобие столовой с массивным столом темного дерева, во главе которого сидел на кресле Илон в красном шелковом халате в золотой ромб, надетом поверх белой сорочки.

— Very well, какая встреча! Вот ни разу не удивлен, что именно вы тут оказались. Еще при той встрече в особняке чуял, что этот парень задаст какого-то жару, и это было эпично. И вот вы здесь, и я здесь. И, как и обещал, если ваше дело выгорит, то я в теме.

Илон встал из-за стола, пожал гостям руки и оглядел их с ног до головы.

— Е-мое, а что это за маскарадные костюмы в стиле 90-х? Декстер, конечно, эксцентричный персонаж, но это он переборщил! Как он, кстати? — Илон продолжал осматривать отдельные детали нелепых нарядов гостей и хихикать.

— Когда последний раз видели, он был не очень.

— А что такое? Приболел?

— Кажется, он умер.

— Прости господи. Не знаю, что тут говорят, жаль, наверное, или что-то в таком духе. Да вы присаживайтесь. Петр, принеси всякого вкусного и выпить получше. Виски давай любимый. Может, другие напитки?

Чонг и Гарик пожалы плечами.

— Петр, виски, водки и винца красного, только не кислятину эту элитную, принеси сладенького. Итак... давайте восстановим события. Сначала зашумело, залетало, как только драконово дерево вырвалось с корнем, мы спустились в бункер на всякий случай. Выход во внешнее метро из бункера завалило, так что на материк отправиться мы не смогли бы. Датчики снаружи показывают ересь, связь не работает. С вами решил сеть тоже сразу не устанавливать, мало ли. А больше ничего не знаю. Что вы расскажете?

Петр начал носить снедь на стол: крабов, икру, несколько сортов свежесдобитого хлеба, помидоры, ягоды...

— Да что глазееете? Налетайте, можно жевать и говорить — все свои. Петр, принеси кофе еще ребятам. Икру ешьте ложками, если хотите. Не надо изображать, что вы не голодные. Мы с Декстером сделали дорожку между бункерами, но строились они автономно, и понятия не имею, как у вас там.

Гарик спокойно зачерпнул столовую ложку черной икры, с удовольствием и вкусом съел, отхлебнул кофе, откинулся на кресле и начал:

— Не знаю, с какого места начинать. Поэтому начну с вопроса: что тебе известно о другом мире, эмбрионах, Амируне?

— Так, в общих чертах, скорее на уровне слухов. Я в Городе 1 оказался чисто из бизнес-соображений. Очень хороший возврат инвестиций, практически неограниченные возможности. Амируна знал как человека, который управляет этим городом. Красивый мужик восточной внешности в дорогущем костюме, вежливый и твердый. С ним встречались только в башне, слышал, что там особая система жизнеобеспечения, но не вникал.

Про эмбрионы официальная версия, что как только все устанут, то можно будет возродить цивилизацию в более лучших условиях, но шептали и неофициальное, более правдоподобное, хотя и недостаточно детализированное для понимания. Вот вы меня, может, и просветите, как оно на самом деле. По неофициальной версии, некоторый другой, более развитый мир заинтересован в переходе на его... блин, как черт немой... план... да, на план как можно большего количества людей с помощью некорректных с моральной точки зрения методов. Для удобства, прикрытия и бесшовного процесса отстроены закрытые города, а в нашем мире к нам приставлены некоторые наблюдатели или внешние управленцы оттуда. Так?

— Ну типа того.

— Так... Но что-то пошло не так, — Илон раскатисто расхохотался, — выпьем же за это или не это, а за то, что мы пока что живы. Возможно, живы! — Илон расхохотался снова и протянул бокал вина, чтобы чокнуться.

— Надо полагать, что теперь следует выбраться на поверхность и осмотреться, чтобы понять, как отсюда убраться и что случилось с другими людьми. Какое население изначально в городе? Сотня тысяч?

— Гарик, точной информации нет, а как выясняется, вся информация даже на высокие уровни типа моего подавалась искаженной. По моим данным, в городе жило порядка двадцати-тридцати тысяч человек, но это вилами по воде. Сколько сейчас, я не знаю даже примерно. А вы в курсе, что выходы из нашего подземелья не в черте города? Это специально на случай, если там беспорядки... Но есть неприятное.

— Только одно?

— Аха-ха. Еще одно. Нам повезло, и тут лето, а это значит, что температура опускается не ниже сорока пяти градусов.

Чонг поперхнулся.

— А у тебя по географии что? Может быть, мы на полуострове или в прибрежных районах, тогда до плюс пяти. В условиях моего контракта прописано, что я не знаю точного расположения города, только материк. Для внешнего периметра разработаны морозостойкие костюмы, полагаю, в вашем бункере они тоже есть. Еще у меня есть два взрослых снежоката, но на них мы с этого материка не уедем при всем желании, но есть еще «Суперджет».

— Оу!

— Он маленький, если что. Так что весь город туда не влезет никак, если там живые есть, конечно. А мы можем... Если разморозим посадочную полосу, ангар окажется не взломан, самолет исправен и так далее.

— А на сколько человек самолет?

— До двадцати человек. Вообще-то он относится уже к тяжелым, зато летать можно далеко, а не только на огород к себе.

— Звучит неплохо, но я почти уверен, что здесь подвох, — сказал Гарик, закидывая в рот малину и голубику.

— В проницательности не откажешь, ага. Не знаю, интересно ли вам сейчас осмотреть тут комнаты или стоит сразу побежать к своим, чтобы обрадовать тем, что здесь нет монстров?

— О, блин! — Гарик включил передатчик, который отключил, чтобы не пугать депрессивными разговорами из коридора оставшихся в бункере Декстера. — Алло, народ, с нами все в порядке, мы скоро будем, расскажем.

В передатчике зашуршало, и послышались сразу несколько голосов, которые перебивали друг друга и, тем самым смешавшись, делали непонятным абсолютно все, но потом Лилия отчетливо сказала:

— Придурки, возвращайтесь уже и рассказывайте.

Гарик выключил передатчик.

— Теперь какой у нас план?

— Петр вам сейчас соберет вкусных ништяков, отправляйтесь к себе. А завтра уже приходите и будем планировать вылазку наверх. Я пока даже дроны не запускал. Немного стремновато, а вместе веселее. Петр, собери им как следует всякого, там народу полно, пусть побалуются, и дай рации еще и доступ к внутренней нашей сети, чтобы могли обмениваться файлами там, переговариваться, а то не набегаешься тут. Вы оцените, что у вас там для вылазки наружу есть: точнее, какая одежда, устройства, роботы там... пес для снега не особо подойдет. Оружие есть у вас?

Ребята покачали головами.

— Есть наверняка, просто вы не знаете где. Не мог Декстер не оставить оружия хоть какого-то. О, а дочка его с вами?

— Да, внучка тоже.

— Ну вот, у них наверняка есть доступы туда, где есть что-то очень интересненькое, и оружие там же, скорее всего. Так что злить их не советую.

Илон встал из-за стола, подошел к тяжелому темному серванту, так что гостям не было ничего видно, и вернулся уже с миниатюрным блестящим стволом.

— Не благодарите. Вид у него девчачий, но под ваши наряды подходит. Спрячьте на всякий случай, и надеюсь, не пожалею об этом. Не ты, Чонг, а ты, — Илон указал на Гарика.

Лед и темнота

Тот вечер ощущался даже приятным: компания пиршествовала с барского плеча, обсуждая интерьеры второго бункера и красный шелковый халат. После веселых посиделок вместе осмотрели снова склад, на котором нашли десять теплых комбинезонов, с камерами на капюшонах и встроенными микрофонами. Инструкция гласила, что их нужно зарядить перед первым использованием, а дальше они подзаряжаются движениями хозяина. Настроили передачу данных на один из ноутбуков, а также сверились насчет связи с Илоном — работало без нареканий. Однако запасной склад Лиля открывать отказалась. Дашка пыталась ей возразить, но Лиля была непреклонна. Все втайне надеялись, что Дашка сделает это сама, но, как назло, Лиля не выпускала ее из виду целый день.

К Илону собрались идти к обеду.

Тот не без удовольствия водил компанию по просторным комнатам, комментируя убранство:

— Это хоть и недешевые, но подделки, везти сюда что-то настоящее было бы неприлично дорого даже для меня. К тому же непонятно, как отсюда потом вывозить. Дальше кабинет, проходите. Отсюда ведем мониторинг и управление техническими системами бункера.

— А дети с вами тут? — спросила Стелла.

Илон изобразил удивление.

— А где же еще?

— А их мама?

— Кто сказал, что у них одна мама? Жены нет, если вопрос в этом, дети разных женщин, точнее, поставщиц биоматериалов. Считаю, это логично и правильно, и никакие мамы или подобные с нами не живут. У них две няни, которые также занимаются первичным образованием. Дети пока что еще маленькие, чтобы ходить в школу, и я позволяю им насладиться детством в возможной для них степени, а дальше будет упор на образование, развитие, спорт оздоровительный. Давайте переместимся в гостиную и отобедаем. Там и обсудим наши действия. Выпущенный утром дрон свалился сразу у входа, не подгрузив изображение, как к этому относиться, я еще не решил.

Они расселись за столом, и Илон снова сам нарушил молчание:

— Есть предположение, почему дрон свалился. Возможно, это означает, что температура на поверхности все-таки меньше тридцати градусов, и теоретически это могло сказаться на аккумуляторах, но все-таки.

— Может быть, конкретный дрон неисправен? — поинтересовался Радж.

— Может, но так как их всего три, я не стал рисковать. К тому же вряд ли все готовы и дальше просиживать в подземелье. Сделаем вылазку завтра. У вас же не появилось связи с внешним миром? Вот и у меня.

Народ закивал, а Илон, видимо, на правах старшего распорядился, указывая по очереди на Гарика, Веру, Лилю:

— Не пойдете, слишком важны.

И пока никто не успел возразить, добавил:

— Тут достаточно статистов, и не надо морщиться так. Рационально мыслить надо!

Чонг хотел возразить, но Стелла вступила быстрее:

— Я пойду! А что так смотрите? Логично разделять риски и всем участвовать, так?

— Тогда и я пойду, — отозвался Радж, — мне тоже надоело сидеть на периферии событий. К тому же бегаю хорошо, вдруг пригодится.

Все вяло заулыбались. Странно, что раньше они так хотели выйти из бункера, а теперь это было больше тревожно, чем радостно.

— Вот и славно. Смотреть будем из своих бункеров, необязательно торчать в одной комнате, — подытожил Илон.

Выходить решили после двенадцати, чтобы воздух уже прогрелся. Стелла и Радж уже с самого раннего утра не находили себе места и переговаривались о том, как будут действовать в критических или непонятных ситуациях. Никто не знал, о каких ситуациях может идти речь, поэтому только решили, что двигаются вместе, при опасности спасаются каждый кто как сможет, а при непонятной внешней угрозе делают все, чтобы не обнаруживать выход из бункера, если это возможно. Гарик украдкой передал удивленному Раджу оружие с требованием никак не демонстрировать без острой нужды.

В назначенное время проверили еще раз связь, одежду. В комбинезонах Стелла и Радж были похожи на космонавтов за тем исключением, что вместо шлемов натянули капюшоны, а в карманах отдельно лежали очки, похожие на горнолыжные. К слову, снегоступы им также привесили за спиной. Обсудили, что еще дать, но решили, что от всего не застраховаться.

У выхода их обняли и нажали на кнопку двери. За дверью тянулся прямой длинный коридор и стало ясно, что это буферная зона, только после преодоления которой они попадут к двери на улицу. Они помахали оставшимся, и изнутри бункера ребята нажали на кнопку. Не меньше получаса Радж со Стеллой шли по коридору.

— Слышите меня? — спросил Илон.

В динамике отозвался Радж.

На мониторах появилось две картинки с камер. Сначала коридор, потом дверь, похожая на прочие. Все замерли, в это время Радж нажал на кнопку двери.

Сначала мониторы ослепило сине-белым искрящимся снегом, глыбами льда, но на отдалении было что-то странное, а точнее, не было ничего. Послышался голос Илона:

— Ребят, картинка не прогрузилась.

Раздался шорох в динамиках, возможно, от трения, картинки на мониторе пришли в движение, было понятно, что Стелла с Раджем пытаются идти и смотреть в разные стороны. Первым откликнулся тихим голосом Радж:

— А картинка и не прогрузилась...

Перед глазами сверкала льдами и снегами поверхность с глыбами разных размеров. Но на непонятном от них расстоянии вокруг зияла абсолютная чернота.

— Подождите, я попробую залезть повыше, может, оттуда лучше видно, — Радж при помощи Стеллы начал карабкаться на глыбу.

Датчики показывали минус тридцать пять, в динамиках слышалось сопение Раджа. На одной из картинок с камеры Стеллы все видели карабкающегося Раджа, а на другой картинке пока видели то один, то другой кусок глыбы, так как пока Радж упирался взглядом в лед. Наконец он поднялся и стал медленно поворачиваться вокруг.

— Вы видите?

— Радж, что это?

— А на что похоже?

— Ни на что, — отозвалась Вера.

Все сидели в оцепенении.

— Вот именно, это ни на что не похоже. Как будто кроме куска суши, на котором мы находимся, больше не осталось ничего. Вообще ничего не осталось. С одной стороны, я вижу перед чернотой довольно высокие льды и что-то похожее на небоскреб, там, наверное, город.

— А на каком расстоянии эта чернота начинается... или заканчивается?

— Я не знаю. Что нам делать?

Илон убрал руку ото рта и сказал в микрофон:

— Наметьте, где видите приметный предмет, не знаю... глыбу понятного очертания, чтобы на границе этого черного... и идите туда, пока не дойдете, но не в сторону города.

— Илон, обалдел, что ли? Мы же не знаем, что там! — крикнула Лиля.

— А как мы иначе узнаем? Идите, но только столько, чтобы не терять из видимости выход и чтобы не замерзнуть.

— Что за идея дурацкая! — Лиля вскочила от компьютера.

Радж откликнулся:

— Слушайте, это пипец как стремно, но варианты какие? Давайте мы пойдем, но вернемся обратно, если станет слишком холодно или, не знаю... Я наметил там глыбу одну правее в виде такого... яблока, что ли, туда и пойдем. Стелла, может, вернешься?

Глаза Стеллы были полны ужаса, но она отрицательно помахала головой. Когда Радж спустился, они двинулись.

Илон переключился на внутреннюю связь, так чтобы его слышали только в бункерах:

— Может, вернем их и отправим на снежокатах? Так быстрее будет.

— Снежокаты весят не меньше двухсот килограммов плюс вес наездников, больше вероятность, что они провалятся под лед.

— Да, Чонг прав. Обдумаем это позже, но они при таком морозе не уйдут далеко без шлемов. Чертово место!

Картинки, казалось, не меняются, и уже минут через десять Радж сказал, что они вынуждены вернуться, так как холод становится нестерпимым. В бункере им растирали щеки, руки и ноги, отпаивали чаем. Все это делалось молча, пока отогретые не попытались шутить, но шутки тоже не получались, так как всех накрыли страх и депрессия. Уже без свидетелей Радж отдал Гарику оружие.

После первой вылазки в гости позвали Илона. Илон придирчиво осмотрел бункер и заключил, что это какой-то пролетарский бункер — тесный и бедный. Меж тем он отметил «Дурака» как очень вероятный оригинал и посоветовал прихватить картину, когда будут убираться отсюда. Кормили Илона размороженными бургерами, так как удивить такого человека едой было бы трудно. Выходка пришлась ему по душе. Илон пару минут покрутился у книг, выбрал Макиавелли и отметил, что «книги здесь лучше обстановки».

Уже через пару часов решили, что назавтра вылазку повторят Лиля и Чонг на снежокатах и в шлемах, благое дело, такие девайсы тоже нашлись в обоих бункерах. Идей по поводу черноты ни у кого дельных не было. В какой уже раз этот мир оказывался не таким, каким его привыкли видеть. В данном случае он как будто схлопнулся до известного пространства.

Есть теории о том, что весь мир и является тем, что мы о нем думаем, а то, над чем мы не думаем, — не существует, но тогда как же быть с теми, о ком мы не думаем в конкретный момент времени, и почему те, о ком мы думаем сейчас, не появляются во плоти в ту же секунду? Была эта чернота стеной или была пустотой — никто не знал, так как никто не хотел предполагать, что исчез весь мир, кроме этого клочка, потому что это означало бы, что и близкие тоже исчезли. Проскользнула еще версия, что это они, напротив, не существуют больше, в отличие от остального мира, и это тоже было болезненное предположение. Самой легкой версией на удивление оказалась теория, что это спецэффекты Соло, за которыми не стоит настоящей опасности.

Прогулка

Которую ночь никто не мог нормально уснуть. Гарик с Верой, несмотря на то что все это время они спали на односпальной кровати, поворачиваясь только синхронно, вдруг ощутили, что кровать не такая уж и маленькая, им не так уж и тесно, даже наоборот, хочется прижаться еще ближе. Гарик, уткнувшись в шею Веры, подумал, что духи-то ее уж точно не с ней, а запах сандала так и остался.

Всю ночь кто-то вставал, пил чай, ходил в коридоре, а к тем, кому удавалось забыться беспокойным сном, приходили кошмары. Потом еще и Стелла закашляла, что окончательно сломало ночь.

Отправляться наружу второй раз предстояло уже от Илона, так как тащить снежокаты по подземелью не было никакого резона. Стелла окончательно разболелась, и вокруг нее хлопотала Вера, тогда как Дашка не могла думать ни о чем другом, кроме как об опасности для матери. Снежокаты взяли оба, так казалось правильно на случай, если один сломается, да и вес по поверхности будет распределен.

Выход Илона находился не в том месте, что выход Декстера, пока что ориентироваться приходилось как попало. Чонг с Лилей наметили другой крупный осколок льда и двинулись к нему на скорости, на дистанции метров десять между собой. Видео шли синхронно, и за пятнадцать минут они уже преодолели расстояние до большой льдины, но никакого соприкосновения с пустотой там не случилось. Дальше шел снова лед.

— Ребят, вы видите? Это, наверное, оптическая иллюзия, но там дальше лед.

— Ни фиги непонятно.

— Гарик, ты? Да, ничего не ясно. Мы еще проедемся, пока нехолодно в таком виде, — Чонг подал знак Лиле, и она кивнула.

Изображения вновь поехали, как в симуляторе, но это снова летел лед и лед.

Чонг с Лилей остановились. Они опять не достигли никакой границы льда с черным.

Поднялся ветер, снег закружился над землей.

— Мы возвращаемся. Не знаю, что тут еще можно делать, кроме как в разные стороны нарезать снега! — крикнула Лиля, и они двинулись обратно.

— Вряд ли я удивлю вас вопросом, но что мы теперь будем делать? — спросил Илон.

— А пойдемте подышим воздухом, после того как ребята вернуться? Что толку сидеть в подземелье... — предложила Дашка.

Те, кто еще не успел побывать снаружи, вместе с детьми Илона уже одетые встретили Раджа с Лилей у входа и высыпали на улицу.

Дети, уставшие от книг и мультиков, бегали по хрустящему снегу, катались на небольших дорожках льда, кидались снежками, слепили ледяную бабу. Детям не было холодно, в отличие от взрослых. Из взрослых Гена и Дашка тоже вовлеклись в игры. Стоял шум и гам.

Илон отвел Гарика в сторону, указывая на пространство справа, сказал:

— В той стороне взлетная полоса. Она закрыта круглыми металлическими щитами по всей длине. Ангар с самолетом находится в нашей стороне. Надо сначала технически оценить самолет, заводится ли он хотя бы. После этого включить обогрев металлических щитов, чтобы растопить лед на них, на это потребуется часов пять. После выкатим туда самолет, и уже потом открыть щиты и свалить отсюда к чертовой матери.

— Допустим, все технически сработает, но что насчет города? Мы даже не знаем, что там происходит, остались ли там люди. Мы должны помочь.

— Это мило с твоей стороны, а теперь давай рассудим рационально. Ты предлагаешь потратить время... на что? Если там никого нет, то некого спасать. Если там кто-то есть, то как ты их спасешь? У нас только один самолет, маленький. В него еще надо загрузить продукты.

Даже это неважно. Пусть мы бы взяли только людей. Сколько? Грузоподъемность максимум двадцать человек.

Пусть рискнули бы взять еще пять... О чем ты вообще? Понимаешь, что если там кто-то остался, то, скорее всего, самолет окажется в руках других вооруженных людей, уж точно не самых достойных или обездоленных. Не говоря уже о том, что эта чернота... что это такое, мы не знаем. Как будто у Вселенной сдохла часть серверов и часть данных утеряна. Мы даже не знаем, куда сами сможем улететь, если самолет исправен. Я, по-твоему, дурак совсем, что не свалили отсюда в первые часы на этом джете? Нет, я посчитал разумным спрятаться на некоторое время, а потом уже...

— Подожди-подожди, а что, если... Секунду. Что, если мы видим только тот мир, который сейчас открыли, как в компьютерной стратегии — продвинулся по карте, и открылась новая клетка. А?

— Если это так, то тем более надо сваливать и спасать себя, а уже потом присылать сюда еще самолеты, если мы не спасем себя, то сгинем и точно никому не поможем. Мы не знаем, что с навигацией, что с материками...

— Звучит жестко, но ты прав, наверное.

— Наверное? Я точно прав. Только надо подумать, куда лететь еще. Точно не Москва, не Питер, не заморские города... Может, в Сибири куда-то? Читал, что для выживания это лучшие места — воздух, вода, территории.

— А как же какой-то там сибирский плюм? Плазма...

— Хотел сказать — погуглю, но... покопаюсь в книгах, хотя без искусственного интеллекта будет сложно быстро найти что-то, тем более в книгах.

— Скорее всего, придется действовать вслепую. Летим в Красноярск? Там много знакомых из Города Детей будет.

— Какого города?

— Города, специально построенного для... мм... выращивания людей для размножения.

— Чего-чего?

— Был разработан механизм определения по эмбрионам еще до рождения, являются ли они подходящими для перехода. Иногда кажется, что чем больше я говорю об этом, тем более зловеще и непонятно это звучит. Тех, кто подходил, сразу умерщвляли, а красные эмбрионы отправляли на выращивание в Город Детей, чтобы они потом там дали новое потомство и так далее... Это технологии Декстера.

— Не предполагал, что Декстер настолько больной.

— Опущу подробности, но в Городе Детей жило много адекватных людей, которых перенаправили несколькими партиями в Красноярск.

— Как переправили и сколько людей?

— Там целая операция была. Больше восьмисот человек переправили. Вертолетами, а еще на велосипедах по тоннелям... Расскажу подробнее при случае. Можно в Красноярск податься, и пора уже с прогулкой закругляться. Завтра соберемся мужиками и разберемся с самолетом.

— Зачем ждать? Пообедаем и соберемся сегодня, так чтобы завтра быть готовыми к вылету.

Бегство

Самолет на вид был небольшим, не таким, как привыкли видеть самолеты те, кто не летал на частных. На первый взгляд он был исправен: заводился, имел топливо.

Выход на полосу осуществлялся из ангара. Пока полоса была закрыта металлической крышей, которую нужно было прогреть, чтобы открыть. По карте Илона получалось, что полоса перпендикулярна пространствам бункеров и начинается в двух километрах от стены города. От бункера Илона к ангару по подземелью идти километр. Решили брать только необходимое: еду, оружие, фонарики, тросы, парашюты планировали взять исключительно для собственного спокойствия в надежде, что кроме еды ничего не понадобится. Пилотом был Петр. На двенадцать назначили вылет, а на одиннадцать погрузку. Жителям бункера Декстера следовало к одиннадцати прибыть к Илону уже в комбинезонах, с вещами не больше одного места, а лучше без вещей. Дашка и Лиля вызвались прийти пораньше, чтобы помочь собрать детей.

Неожиданно Гена и Радж захотели остаться здесь. Они рассудили, что как минимум здесь остается два бункера с запасами, может быть, жив еще город. Они решили помочь при загрузке, проводить и начать обустройство жизни здесь. К тому же при скоропалительном решении никто не подумал запустить самокаты с камерой без людей на разведку, а Гене с Раджем эта идея внезапно пришла в голову.

Дашка с Лилей ушли уже в 9.30. Остальные решили выйти через час. Вещей набрали немного, так как по-настоящему своего в этом бункере ни у кого ничего и не было. Гарик решил забрать с собой картину «Дурак», чем вызвал приступ смеха у остальных. Забирал он картину не столько для себя, сколько для Лили, чтобы у нее память об отце хотя бы вот такая.

Так и шли по подземелью — в космических комбинезонах, а Гарик еще и с картиной под мышкой.

Когда они открыли дверь в бункер Илона, то застали там беспорядок. Не то чтобы, как в привычной квартире, по полу валялись пакеты и обувь, но было ощущение, что место покидали спешно.

— Илон?! — крикнул Гарик.

Никто не откликнулся. Крикнули еще раз, позвали Петра — тишина.

В гостиной валялись остатки завтрака на столе, но людей не было. Было жутко.

Гарик оглянулся, задумался и с возгласом: «Fuck!» — побежал в сторону коридора ангара. Остальные побежали за ним. Чертыхаясь и задыхаясь, они бежали по коридору и уже издали увидели, что ангар пуст, а двери из него открыты настежь.

На полосе уже виднелся в нежной пыли самолет, который начал медленно двигаться.

— Фак! Илон! Илон!

Компания выбежала на полосу, самолет был еще на полосе близко.

Радж бегло глянул на время — меньше одиннадцати.

— Да как так-то? — растерянно спросила Стелла.

Все замерли, а Гарик побежал к самолету. Самолет остановился. Из двери высунулся Илон:

— Сорян, чувак, вас слишком много, — он пожал плечами и скрылся из виду.

Показалась Лиля.

— До встречи в аду!

— Лилия, возьмите Стеллу хотя бы! Лилия!

Дверь закрылась, а самолет загудел.

К иллюминаторам прильнули дети, которые, не понимая, радостно махали и улыбались, а Дашка губами сказала: «Прости» — и отвела взгляд.

Самолет двинулся по полосе и начал разгоняться. Гарик достал из кармана серебристый маленький пистолет, посмотрел на него, на самолет, убрал пистолет в карман. Он стиснул голову руками, резко встряхнул руками, потом закрыл рот ладонью, но все-таки не смог себя сдержать, сжал кулаки и со всей силы, но не громче самолета, заорал вслед улетающим: «А-а-а-а-а-а-а-а-а!»

Самолет взлетел, Гарик сел на взлетную полосу, опираясь на руки, и так сидел, пока Вера с Чонгом не тронули его за плечо, не подняли силой и не поволокли обессиленного в ангар. Гена с Раджем закрыли ангар и опустили купол посадочной полосы. Все молча и медленно двинулись в бункер Илона. В гостиной у стены смеялась картина «Дурак».

Разрушенный и опустошенный

Никто не захотел брать ту самую картину в бункер Декстера, в бункере Илона оставаться тоже никто не захотел. Остаток дня провели в тишине. По крайней мере, никто не трогал Гарика, так как он больше остальных чувствовал это как личный провал. Он понимал, что снова подвело доверие к людям, то, что он оказался наивным, что не просчитал такой вариант развития событий. Болезненным было и предательство Лили с Дашей. Решение они приняли не за пять минут, так что, скорее всего, они с Илоном водили всех за нос и использовали с самого начала. Еще Гарик понимал, что Лилия так поступила из ревности и как минимум три человека заплатили за то, что он предпочел другую, но даже если так, то Илон почему так поступил? Места были, по его словам. Тут Гарик предположил, что все-таки Илон счел выгодным вывезти ценности, чем еще шесть человек...

Мысли крутились в голове, мешали спать, есть. К сожалению, мысли крутились, но не рождали никакого решения, а только нагружали дополнительным чувством вины и ощущением жесткого провала. Ему хотелось спрятаться. В моменте он даже почувствовал себя Плейшнером, в полной мере осознавшим ошибку и провал, за тем исключением, что никакой капсулы с ядом у него не было. Полностью обессилив, Гарик провалился в забытие, в котором сознание накидывало по очереди то маму на даче, то злое лицо Лили, то самолет, то и вовсе непонятные картины, где он тонул в черном океане, где терял все и всех. Проснулся он оттого, что затек кулак под щекой. В гостиной слышались споры. На ватных ногах он вышел из комнаты.

— О, привет! — окликнул Чонг.

— Сколько я спал?

— Сутки.

— Новое что-то есть?

Все пожали разочаровано плечами, заговорил Радж:

— Из хорошего есть только припасы запасного склада, которые Чонг с Дашей перетаскали в спортивную комнату накануне.

— Ну хоть что-то, а что там?

— Еда, оружие, приборы. Мы думаем, теперь нужно выйти в сторону города. Там хоть могут оказаться люди. Гена пойдет.

Гена кивнул и включился в беседу:

— Думаю, надену привычное снаряжение, чтобы мы смогли переговариваться и тут видели, что там, на поверхности, в городе. Если что-то пойдет не так, сделаю вид, что ничего не помню. Вы тут пока проведете инвентаризацию, надо же разобраться, что у Илона осталось, что может пригодиться, а дальше «будем посмотреть».

Гарик не готов был спорить, он был разбит, поэтому просто навел себе кофе.

Связи с внешним миром по-прежнему не было, сидеть тут смысла не имело, поэтому любое действие сейчас казалось лучше бездействия.

— Когда пойдешь в Мордор?

— Завтра, сейчас уже вечер, будет холоднее. По традиции часов в одиннадцать выдвинусь. Мы спускались в бункер с верхнего этажа. Разрушено ли здание, до какой степени... Может, выход вообще забаррикадирован. Оружие, думаю, брать нет смысла. Один я и с оружием ничего не сделаю, а так хоть прикинусь безобидным. Самолет могли увидеть из города, а значит, если там есть люди, то скоро придут по нашу душу.

— Давайте кино какое-нибудь доброе посмотрим про прошлую жизнь?

Чтобы создать максимум уюта, устроили подобие Нового года. В запасах не нашлось докторской колбасы, но изобразили оливье с тушенкой. Пили шампанское, ели остатки мандаринов и смотрели «Иронию судьбы». Приятным открытием было то, что даже в такой безумной

ситуации можно заземлиться за счет таких простых вещей. Несмотря на то что Раджу, Вере и Чонгу была незнакома советская эстетика и традиции, им это тоже помогло, а может быть, подействовало шампанское.

Холодный город

Гена был полон решимости и перед дверью, выходя, испытал только подъем, а не страх. Перед выходом еще обсудили, что Илон тоже в бункер как-то попал, а значит, в том бункере тоже есть выход, как минимум еще один. Коридор до второй двери Гена преодолел без приключений.

Наружная дверь открылась, и перед ней оказался драный темный брезент. Гена заглянул в дырку брезента и увидел за ним кучу строительного мусора, покосившихся конструкций, битое стекло. Гена находился внутри здания, но никакой винтовой лестницы вверх не было, верхние этажи здания обвалились. Складывалось впечатление, что ценное отсюда вынесли.

Гена отодвинул брезент и шагнул наружу. Дверь за ним автоматически закрылась. На внешней стороне двери были видны следы механического воздействия — кто-то пытался дверь вскрыть, а судя по черным подпалинам, дверь пытались поджечь, может быть, даже взорвать. То, что, казалось, поможет дверь открыть, было так или иначе поцарапано, раскурочено, и теперь дверь снаружи открыть было невозможно. Гена сделал пять шагов, осмотрелся.

Остов здания был цел, как и некоторые перекрытия, но тут случился пожар раньше. Гена рассудил, что находится в подвальном помещении, так как над ним свисали куски других этажей, некоторые даже с остатками мебели. По обломкам конструкций Гена поднялся на уровень первого этажа, где уже гулял ветер, сверкали наледи на полу, с двух сторон в стенах открывались пустоты, которые показывали улицу. Гена ступал осторожно, потому что полы были завалены мусором, среди которого встречались металлические прутья и много стекла, которое высыпалось из панорамных окон и дверей, а населению не понадобились, в отличие от предметов мебели. Гена проверил связь, его видели и слышали из бункера, подошел к колонне, за которой открывался вид на улицу, и спрятался за ней. Послышались голоса.

Мимо него прошли двое в таких же, как у него, теплых комбинезонах, разговаривали предположительно на китайском, поэтому Гена ничего не понял, хотя внутри бункера и освоил уже некоторые слова. Чонг сказал, что разговаривали о бытовухе — ничего интересного. Гена дождался, пока голоса отдалились, и осторожно выглянул из укрытия.

Тут же на экране монитора в бункере изображение «упало» и стало видно только снег и строительный мусор, слышались голоса рядом, а картинка стала меняться, было ясно, что Гену несут. Чонг спешно отключил микрофон со стороны бункера и прислушался, указывая всем замолчать.

— Так... они говорят, что это «явно не наш», отнесем к главному. Да тихо, я сказал!

Все приникли к экранам, только Радж обеспокоенно начал нарезать круги по комнате.

— Да не мельтеши ты, сядь!

В дрожащем изображении виднелась улица с поваленными полуразрушенными зданиями, группами людей, одетыми как попало и обмотанными тряпками, людьми в комбинезонах с оружием. Слышались голоса на разных языках. Встречались и нетронутые здания, но с заколоченными снизу первыми этажами, где раньше, вероятно, располагались магазинчики. Впереди двигалась гусеничная машина, похожая на военную. Люди передвигались быстро, бегом. У одного из зданий играли одетые многослойно и обмотанные шарфами и платками дети. Изображение дрожало, сбивалось, давало понять, что Гену все еще несут.

Один из сопровождающих вышел вперед, подал знак перед зданием, там открыли люди в темной форме. В здании сновали люди, тоже в основном в форме, но встречались и гражданские. Тут тоже слышалась речь на разных языках. После лифта вышли в темное помещение, где за компьютерами сидели служащие в форме. В коридорах народу было немного. Снова шли, пока не оказались перед очередной громоздкой дверью, за ней открылось помещение наподобие

бие офисного. У окна спиной стоял мужчина. Изображение не было настолько четким, чтобы разглядеть что-то за окном, но когда мужчина повернулся, бункерцы узнали Виктора.

Виктор дал знак сопровождающим выйти и подошел вплотную к Гене. Судя по всему, Гена потерял сознание, и ребята увидели, как Виктор приблизился к Гене, пощелкал пальцами, стянул с него шарф, прикрывающий нижнюю часть лица, задумался, отошел к столу, вернулся со стаканом воды и плеснул Гене в лицо. Изображение снова дернулось, видимо, Гена тряхнул головой.

— Твое лицо мне кажется знакомым. Ты кто и откуда?

— Я Гена. Тут можно говорить?

Виктор махнул рукой приглашающе.

— Не припоминаешь?

Виктор сузил глаза, поджал губы и просиял.

— Да ладно?! Ну-ка стяни уже этот комбез, а то спаришься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.